

Н.Ю. СТАРОДУБЦЕВА
(Волгоград)

ПОСЛЕДНИЙ МЯТЕЖ. ВОССТАНИЕ 1242 г. ПРОТИВ ФРАНЦУЗСКОГО ВЛАДЫЧЕСТВА НА ЮГЕ ФРАНЦИИ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ

Рассматриваются история и значение мятежа 1242 г. на Юге Франции как знакового события не только для Лангедока, но и для всего королевства.

Ключевые слова: Лангедок, Тулузское графство, борьба за независимость, централизация, средневековая Франция.

Одним из важнейших событий XIII в. в истории Франции стали так называемые Альбигойские войны (1209 – 1229 гг.) между королевством Франция и Окситанией*, исход которых определил дальнейшую судьбу государства. Мирный договор Пари-Мео, заключенный в апреле 1229 г., казалось бы, положил конец не только военному противостоянию Севера и Юга Франции, но и независимости последнего. В договоре достаточно четко были прописаны механизмы постепенного перехода земель, некогда принадлежавших дому тулузских Раймондинов, под власть французского монарха, при немедленном уничтожении возможностей для масштабного вооруженного сопротивления, аналогичного Альбигойским войнам.

В действительности же этого оказалось недостаточно для того, чтобы окончательно сломить сопротивление покоренных земель. Свидетельством тому служило не только сохранение яростно сопротивляющегося завоеванию рассадника «еретической заразы» в крепости Монсежур, но и время от времени вспыхивавшие в разных концах Юга мятежи. Самым масштабным из них стало восстание 1242 г., продемонстрировавшее непрочность государственного здания, тщательно возводимого французами на вновь присоединенных территориях.

Этим событиям предшествовало восстание в 1240 г. ряда сеньоров, которые лишились своих владений еще во время крестового похода, возглавлявшегося Симоном де Монфор (Раймонд-Роже Транкавель II, Оливье де Терм, Бернар д'Орзаль, Юг де Ромегу, Журден де Сессак и др.) [4, с. 296]. Помимо фэйдитов** под знамена Транкавеля собрались и многие другие аристократы, а также арагонские и каталонские солдаты. На сторону восставших перешли нарбоннские сеньоры, поклявшиеся незадолго до осады защищать интересы короля [4, с. 298]. Транкавель, возглавивший мятеж, неоднократно обращался за поддержкой к тулузскому графу Раймонду VII, с которым состоял в родстве. Однако граф старался держаться в стороне от событий, чтобы не навлечь на себя обвинения в нарушении мирного договора 1229 г. В равной степени он не торопился и выступить на стороне французов, несмотря на свои обязательства. Лишь после поражения восставших он согласился помочь им в заключении мира с французским монархом, заодно подтвердив свою клятву верности королю и пообещав изгнать еретиков из своих земель. Раймонд VII смог добиться сравнительно мягких условий мира: у мятежных сеньоров конфисковали земли, а замки предоставили королевским гарнизонам. Впрочем, в полной мере пострадали от этого лишь мелкие феодалы, т.к. представители крупной аристократии получили в качестве компенсации другие земли. По справедливому замечанию М. Рокебера, «в интересах Людовика IX, если он хотел прочного мира, было скорее привлечь баронов, нежели лишить их имущества» [10, с. 301]. Тем не менее, как показали дальнейшие события, эта тактика себя не оправдала.

Казалось, что Раймонд VII окончательно оставил мысль вернуть независимость своим землям. Более того, он активно демонстрировал свою лояльность французской короне и римской церкви. Однако это впечатление было обманчивым. О серьезности подготовки тулузского графа свидетельствует тот факт, что он предпринимал действия и на более отдаленную перспективу. Понимая, что даже в случае

* Окситания, или Лангедок, – историческая область Франции, южнее Луары, на территории которой был распространен «язык ок».

** Сеньоры, отлученные от церкви и утратившие свое имущество из-за связи с еретиками.

победы восставших его земли после смерти все равно отойдут к французской короне, т.к. его единственная наследница была замужем за братом французского короля, он стремился обеспечить себя наследником мужского пола. Для этого необходимо было получить развод, чего он и достиг. Следующим шагом стало обручение с дочерью графа прованского, что сделало их из врагов союзниками. Впрочем, браку не было суждено состояться, что не помешало двум графам сотрудничать в виду общих интересов.

Заручившись поддержкой графа Прованса, тулузский граф приступил к созданию антифранцузской коалиции. Для начала он объединился с Югом де Лузиньяном, графом де ля Марш, создав «наступательно-оборонительную лигу против короля Людовика Святого» [11, с. 34], что должно было держаться в секрете. Однако он понимал: обычный мятеж нескольких феодалов обречен на провал, что неоднократно подтверждалось на практике. Были необходимы союзники другого уровня, которые в случае победы смогли бы диктовать условия Франции. Успех возможен лишь в том случае, если удастся окружить домены французского короля и напасть одновременно на нескольких фронтах. В октябре 1241 г. Раймонд VII заключил союз с Хайме I Арагонским, принеся ему оммаж. В своих действиях на Юге Франции они рассчитывали на помощь Кастилии и Наварры. Пьер Моклерк, граф бретонский, также благосклонно отнесся к планам Раймонда. Сотрудничество Генриха III Английского гарантировалось союзом с графом де ля Марш. Осталось только совершить поездку в Барселону, чтобы привлечь к совместным действиям Транкавелия.

К началу 1242 г., казалось, пришло время для реванша: «Англия, Марш, возможно, Бретань, Арагон, возможно, Наварра и Кастилия. Все крупные сеньоры “Лангедока”. Не правда ли, этого достаточно, чтобы воевать с королем?» – замечает Ж.-Л. Дежан [5, с. 371]. К тому же, решительным действиям благоприятствовала сложная ситуация в самом французском королевстве, где «к началу [самостоятельного] царствования Людовика IX все, казалось, способствовало тому, чтобы внести раскол, уничтожить Францию» [9, с. 61]. Немаловажным фактором было и то, что все крупные союзники тулузца были католиками, что отводило от него подозрения в пособничестве ереси и, следовательно, не давало поводов Папе активно вмешаться в процесс подготовки к войне. А недавно завершившееся восстание хоть и оказалось безуспешным, тем не менее, продемонстрировало сильное стремление южан к борьбе за независимость.

Однако планомерная подготовка Раймонда VII к возвращению статус-кво своим землям была прервана его внезапной тяжелой болезнью. В это время Юг де Лузиньян, не дожидаясь союзников (поскольку рассчитывал на активную поддержку своего пасынка – английского короля), отрекся от вассальной присяги французскому монарху, что означало начало войны. Однако Генрих III медлил с оказанием военной помощи, а граф де ля Марш был не в состоянии противостоять французам, поэтому Раймонд VII, который пошел на поправку, созвал своих окситанских вассалов – графов д'Арманьяк, де Комменж, де Фуа и де Роде, а также виконтов Нарбонна, Лотрека и Ломаня, – чтобы получить от них подтверждение клятвы верности и выступить в поход.

Вмешательство графа Тулузы объяснялось не только стремлением поддержать пуатевинского союзника, но и событиями в Авиньоне, где были убиты инквизиторы. Местные жители, до которых уже давно доходили слухи о планах их сеньора, восприняли убийство доминиканцев как сигнал к началу народного бунта. Роже Каратини недвусмысленно характеризует эту ситуацию: «В начале весны 1242 года эта война приобрела новый облик, обернувшись не только борьбой за независимость, которую вели окситанские феодалы против своего сюзерена, французского короля, но также народной религиозной революцией» [1, с. 309]. В этих словах нам видится изрядная доля преувеличения, но во всяком случае значительная роль религиозного фактора несомненна. Протоколы инквизиции, зафиксировавшие допросы вскоре после мятежа, зачастую содержат признания такого рода: «...до времен святого Сильвестра мессы не проводились, а Церковь не имела никаких владений; в течение ближайших двадцати лет Церковь исчезнет» [3, с. 154]. Именно католическая Церковь представлялась местным жителям главной виновницей ущемления их прав и свобод, и с ее па-

дением связывалось освобождение Лангедока. Позднее, с ориентированием как раз на отношение к Церкви, были выявлены мятежники.

Существуют разные точки зрения на роль Раймонда VII в этом деле. Некоторые авторы утверждают, что граф не имел к кровавым событиям в Авиньоне никакого отношения и даже был яростным противником подобного развития событий [2], т.к. это означало открытое противостояние Церкви. Другие же исследователи, опираясь на признания некоторых участников событий, видят в нем инициатора расправы над доминиканцами или, как минимум, заинтересованное лицо [1; 8]. В любом случае, это событие серьезно повлияло на ход восстания: с одной стороны, в борьбу были активно вовлечены катары и сочувствующие им, с другой – от мятежников отвернулись те, кто не хотел ссориться с Римской церковью.

В это время Генрих III Английский в соответствии с договоренностями начал войну на территории Франции. Впрочем, действия западных союзников оказались безуспешны. Сын Юга де Лузиньяна был взят в плен, поэтому граф решил не только сдаться, но и выступить против тулузских войск. Английский король, проиграв два сражения, был вынужден удалиться в Бордо, где занял выжидательную позицию. От окончательного поражения английского короля спасла охватившая французский лагерь чума, от которой сильно пострадал сам Людовик IX.

Раймонд VII и Транкавель были более удачливы, т.к. местное население оказывало им активную поддержку. Помимо того, что южане в большинстве своем продолжали считать своим единственным законным сеньором графа тулузского, о чем постоянно напоминали в своих произведениях трубадуры, произошло окончательное слияние национального и религиозного вопроса. Графу удалось развязать войну на землях королевского домена. В течение двух месяцев он смог вернуть себе Разе, Термене, Минервуа. Нарбонна перешла на сторону мятежного графа, и тот, предоставив хартию, гарантировавшую его защиту, получил титул герцога Нарбоннского, тем самым подчеркнув аннулирование Парижского мирного договора.

Впрочем, торжество было недолгим. Без помощи союзников все успехи были напрасными. Арагон и Прованс так и не выдвинули войска, а Наварра и Кастилия демонстративно сохраняли нейтралитет. Даже союзный договор с английским королем, подписанный в августе 1242 г., уже ничего не значил. Коалиция не отличалась ни единством, ни организованностью, поэтому была неспособна одолеть французскую монархию. Видя, как союзники проигрывают одно сражение за другим, многие вассалы покинули Раймонда VII, поставив его в безвыходное положение. Последним ударом стало предательство графа де Фуа, перешедшего на сторону французов. Раймонду VII пришлось в октябре 1242 г. сложить оружие.

Очевидцы событий прекрасно понимали, насколько роковым оказалось бездействие участников лиги: «Если бы нам помогли, для нас это стало бы великим благом; мы были бы спасены. Французы бы были побеждены, захвачены [в плен] и убиты. Граф де ля Марш приободрился бы и не стал бы заключать с ними ни перемирия, ни соглашения; если бы он так поступил, на нем не было бы никакой вины. Мы увидели бы, как он размещает свои знамена. Он же (король Хайме) поставил его в безвыходное положение, что его принудили заключить позорный договор и лишили владений» [7, с. 317] – с горечью восклицал трубадур Гийом Монтанель.

Это поражение имело несколько последствий. Из самых очевидных: всем стало понятно, что южане больше не в состоянии оказывать успешное вооруженное противостояние центральной власти, даже имея международные договоренности. По словам хрониста Гийома де Нанжи, «в дальнейшем бароны Франции больше не будут пытаться сделать что-то против их короля, помазанника Божия, т.к. они явным образом увидели, что с ним рука Господа» [6, с. 151].

Победу французской короны закрепил в феврале 1243 г. Лорисский договор, еще раз утвердивший требования мирного договора 1229 г. и расширивший их. Согласно этому договору, граф объявлял, что он:

- 1) подчиняется сам, подчиняет свои земли и своих союзников милосердию государя;
- 2) обещает принести клятву верности королю перед его комиссарами от лица всех баронов, шателенов, рыцарей и вассалов и от лица всех жителей добрых городов, подчиняющихся ему;
- 3) обещает передать в руки короля и его комиссаров замки Пюисельси в Альбигуа, Найяк в Руэрге и Лорак в Тулузэне, а также Пенн в Аженуа на пять лет с первого марта будущего года;
- 4) исполнит полностью все свои обещания, данные по Парижскому договору, и снесет все укрепления, возведенные во время последней войны [11, с. 45].

Власть Раймонда VII была максимально урезана не только при помощи его личной клятвы верности королю и Церкви, но и присягой, принесенной тулузцами вскоре после заключения договора в Лоррисе, которая включала в себя три основных пункта:

- 1) оставаться верными королю и Церкви, если граф вновь начнет мятеж;
- 2) выступить на стороне короля в случае восстания графа;
- 3) помогать Церкви против еретиков и их единомышленников [2, с. 651].

По сути, вассалы тулузского графа должны были признать своим сюзереном не его, а французского короля. Таким образом, владения графа сокращались еще больше, уничтожались фортификационные сооружения, без которых сопротивление становилось невозможным, расширялось военное присутствие французов. Все это делало Раймонда VII фактически номинальным государем в своих землях.

Благодаря восстанию инквизиция получила новую почву для своей деятельности. В 1243 – 1247 гг. Бернар де Ко провел масштабное расследование «по воле и с согласия благородного Раймонда, милостию Божию графа тулузского» [3, с. 61]. При этом больше половины допрошенных были выходцами из благородных семейств, а также представителями администрации Раймондинов, что, видимо, было связано с их активным участием в восстании. В числе допрошенных оказались придворная дама жены тулузского графа, бальи Кагельсарассена и Муассака, 7 рыцарей, 2 дамуазо, 4 сеньора. Все они были причастны к ереси в той или иной степени, были среди них и «отъявленные еретики». Особенно тщательно допросу подвергли каорского сенешаля – Понса Гримоара, который сообщил много имен совершенных и их сторонников во владениях графа тулузского (Там же, с. 53 – 65). В целом по результатам этих допросов стало известно о связях с еретиками нескольких десятков выходцев из благородных семей, что дало основания для репрессий. Это привело к изменению состава правящего слоя на Юге. В дальнейшем, судя по протоколам более позднего времени, представители высшего сословия стали выступать на стороне католической церкви и французов.

Однако эта, казалось бы, совершенно провальная, попытка мятежа продемонстрировала королевской власти малую эффективность насильственного внедрения французских порядков в Окситании и наличие здесь потенциала для сопротивления. В связи с этим Людовик IX стремился не наказывать мятежных сеньоров, а заключить с ними мирный договор на почетных условиях. Отсюда и отсутствие унижительных процедур, аналогичных тем, что сопровождали подписание мира в 1229 г. Отныне упор стал делаться на административные методы внедрения северофранцузской модели и перестраивание отношений с разными слоями населения. А главным методом борьбы с тулузским графом были успешные попытки помешать ему заключить новый брак, который дал бы ему наследника. При сохранении текущего положения вещей окончательное вхождение Лангедока в состав королевства Франция стало вопросом времени.

Литература

1. Каратини Р. Катары. М. : Эксмо, 2010.
2. Осокин Н. История альбигойцев и их времени. М. : АСТ, 2003.
3. Cahiers de Bernard de Caux. Ms Doat XII B.n. de Paris. Agen, Cahors, Toulouse. 1243 – 1247 / ed. et trad. par J. Duvernoy. Paris, 1988.
4. Chronique de Guillaume de Puy-Laurens contenant l'histoire de l'expédition des Français contre les Albigeois // Collection des mémoires relatifs à l'histoire de France depuis la fondation de la monarchie française jusqu'au 13e siècle / ed. M. Guizot. Paris : J.-L.-J. Brière, 1824. Vol. XV.

5. Déjean J.-L. Les comtes de Toulouse (1050 – 1250). Toulouse : Fayard, 2003.
6. Guillaume de Nangis. Vie de Saint Louis // Recueil des historiens des Gaules et de la France. Paris : L'imprimerie royale, 1811. T. 20.
7. Jeanroy A. Le soulèvement de 1242 dans la poésie des troubadours // Annales du Midi. 16me année. 1904. P. 312 – 329.
8. Langlois G. Olivier de Termes et son entourage, de la croisade albigeoise aux croisades en Terre-Sainte // Les voies de l'herésie. Le groupe aristocratique en Languedoc. XI – XIII siècles. Vol. 2: Avant et après la croisade: seigneurs et seigneuries. Acte du 8 colloque du Centre d'Etudes Cathares / Rene Nelli. Carcassonne, 28 aout – 1 septembre 1995. Millau: l'Imprimerie MAURY SA, 2001. P. 207 – 258.
9. Orloff. Voyage dans une partie de la France. Paris : Bossange, 1824.
10. Roquebert M. L'épopée cathare. Toulouse : Privat, 1989. T. IV.
11. Vic C. de, Vaissette. Histoire générale de Languedoc. Toulouse : J.-B. Paya, 1844. T. 6. L. 25.

The last mutiny. The revolt of the 1242 against the French dominion at the South of France and its meaning

There is considered the history and the meaning of the mutiny of the 1242 at the South of France as a symbolic event not only for Languedoc but also for the whole kingdom.

Key words: Languedoc, the Toulouse County, fight for independence, centralization, medieval France.